

Честная девочка

Когда я спрашиваю маму, помнит ли она, как во втором классе я ткнула девочку в голову карандашом, мама отвечает: «Смутно».

И я ей верю. В моем раннем детстве вообще много «смутного». Кое-что вспоминается с абсолютной ясностью. Запах деревьев в национальном парке «Редвуд» и наш дом на холме рядом с деловым центром «Сан-Франциско». Как я любила этот дом! До сих пор помню сорок три ступеньки от первого этажа до моей комнаты на пятом и стулья в гостиной, на которые я залазила и крада висюльки с люстры. Но есть вещи, которые я помню плохо. Например, как впервые забралась к соседям, когда их не было дома. Или откуда у меня появился медальон с буквой «Л».

Внутри медальона — две черно-белые фотографии, которые я не стала выбрасывать. До сих пор иногда открываю медальон и смотрю на них. Кто эти люди? Откуда они взялись? Хотела бы я знать. Думаю, я могла найти медальон и на улице, но, скорее всего, я его украла.

Я начала красть раньше, чем заговорила. По крайней мере, так мне кажется. Точно не помню, когда в первый раз что-то «позаимствовала», но к шести-семи годам у меня в шкафу была уже целая коробка с украденными вещами.

В архивах журнала «Пипл» есть фото Ринго Старра, он держит на руках маленькую меня. Мы во дворе его дома, недалеко от места моего рождения в Лос-Анджелесе (мой отец был музыкальным продюсером), и я буквально стаскиваю с Ринго очки. Все малыши играют с очками, скажете вы, что такого? Но я смотрю на очки, которые сейчас лежат на моей книжной полке, и понимаю, что была единственным ребенком, умыкнувшим очки у битла.

Проясню: я не страдала клептоманией. Клептоман испытывает постоянную и непреодолимую тягу взять вещи, ему не принадлежащие. Я же страдала от другой потребности — компульсивного поведения, вызванного апатией, причинявшей сильный дискомфорт

и обусловленной отсутствием обычных социальных эмоций, например стыда и эмпатии. Это чувство почти не поддается описанию. Естественно, тогда я этого не понимала. Я знала лишь одно: я отличаюсь от других детей, я *чувствую по-другому*. Я врала и не ощущала вины. Когда дети на площадке ушибались, мне не было их жалко. Обычно я не чувствовала ничего. И это «ничего» мне не нравилось. Поэтому я пыталась заменить «ничего» «чем-нибудь».

Все начиналось с побуждения избавиться от пустоты, с беспощадного напряжения, распиравшего меня изнутри и заполнявшего все мое «я». Чем дольше я пыталась его игнорировать, тем хуже становилось. Напрягались мышцы, живот скручивался тугим узлом, который все сильнее затягивался. Возникла клаустрофобия, будто меня заперли в моей собственной голове. В бездне.

Поначалу моими сознательными реакциями на апатию были всякие мелкие пакости. Не то чтобы мне *хотелось* воровать. Просто выяснилось, что это самый легкий способ избавиться от напряжения. Впервые я поняла это в первом классе, сидя за спиной девочки по имени Клэнси.

Напряжение копилось уже много дней. Я не осознавала причины, но меня переполняла фрустрация и хотелось сделать что-то плохое. Например, встать и опрокинуть парту. Я представляла, как подбегаю к тяжелой металлической двери, ведущей на улицу, сую пальцы в щель и захлопываю дверь. На миг мне показалось, что я это сделаю. Но потом я увидела Клэнси и ее бантики.

У нее были две заколочки: розовые бантики с обеих сторон. Левый бантик съехал и держался на волоске. «Возьми себе, — вдруг услышала я голос в голове. — Возьми — и тебе полегчает».

Эта мысль казалась такой странной. Клэнси была моей одноклассницей, она мне нравилась, и я не хотела у нее воровать. Но пульсацию в голове надо было как-то прекратить, и в глубине души я чувствовала, что кража поможет. Я осторожно потянулась и отстегнула бантик.

Тот поддался легко. Если бы я его не отстегнула, он бы, наверно, сам упал. Впрочем, теперь мы этого никогда не узнаем. Сжав в руке бантик, я почувствовала себя намного лучше, будто из чрезмерно надутого шарика выпустили воздух. Напряжение исчезло. Не знаю почему, но мне было все равно. Я нашла выход. Я испытала облегчение.

Эти ранние примеры девиантного поведения отпечатались в моем мозге, как GPS-координаты, прокладывающие дорогу к пониманию

себя. Даже сейчас я могу вспомнить, где взяла все предметы, которые мне не принадлежали. Кроме медальона с буквой «Л». Ума не приложу, откуда он у меня. Зато помню день, когда мать нашла его в моей комнате и спросила меня об этом.

— Патрик, ты должна сказать, где его взяла, — заявила она.

Мы стояли у моей кровати. Одна из декоративных подушек лежала криво, и я делала вид, что поглощена ее выравниванием. Но мама сдаваться не планировала.

— Взгляни на меня, — сказала она и схватила меня за плечи. — Где-то сейчас кто-то ищет этот медальон. Этот человек гадает, куда он запропастился, и ему грустно, что он не может его найти. Подумай, как ему грустно.

Я зажмурилась и попыталась представить, что чувствует хозяин пропавшего медальона. Но не смогла. Я не ощутила ровным счетом ничего. Я открыла глаза, взглянула на маму и поняла, что она знает. Знает, что мне все равно.

— Детка, послушай, — она опустила на колени. — Брать чужое — это воровство. А воровать — очень-очень плохо.

И снова я ничего не почувствовала.

Мама замолчала и задумалась, как быть дальше. Глубоко вздохнула и спросила:

— Это не в первый раз?

Я кивнула и указала на шкаф, где хранилась моя коллекция краденого. Вместе мы просмотрели содержимое коробки. Я объяснила, что это за вещи и где я их взяла. Потом мы вытряхнули всё из коробки, и мама сказала, что мы вернем все эти вещи законным хозяевам. Я не возражала. Меня не пугали последствия, и я не испытывала угрызений совести — к тому времени я уже понимала, что ни то ни другое не «нормально». На самом деле возвращение краденого было мне только на руку. Моя коробка заполнилась до краев, а теперь опустела, и у меня освободилось много места для нового краденого.

Когда мы просмотрели все вещи, мама спросила:

— Зачем ты их взяла?

Я вспомнила ощущение напряжения в голове и иногда возникавшую у меня потребность делать плохое.

— Не знаю, — ответила я и не соврала. Я правда не знала, откуда бралось это ощущение.

— А тебе... тебе жаль, что ты это сделала? — спросила мама.

Глава 1. Честная девочка

— Да, — ответила я и тоже не соврала. Мне правда было жаль. Но я жалела не о том, что причинила людям вред; мне было жаль, что приходилось воровать, чтобы воображение не рисовало более страшные картины насилия.

Мама, кажется, хотела скорее обо всем забыть.

— Я так тебя люблю, дорогая, — произнесла она. — Не знаю, зачем ты взяла эти вещи, но хочу, чтобы ты пообещала: если когда-нибудь еще сделаешь что-то подобное, сразу мне скажи.

Я кивнула. Лучше моей мамы во всем мире не было никого. Я так сильно ее любила, что сдержать обещание оказалось легко. По крайней мере, поначалу. Мы так и не смогли выяснить, кому принадлежал медальон, но с годами я начала лучше понимать, что, должно быть, чувствовал его хозяин, обнаружив пропажу. Если бы сейчас кто-нибудь украл у меня этот медальон, я, наверно, почувствовала бы то же самое, но я не уверена.

Как и угрызения совести, эмпатия никогда не возникала у меня спонтанно. Мои родители были баптистами. Я знала, что после совершения греха человеку положено раскаиваться. Учителя говорили о «системе доверия» и о чем-то, что называли «стыдом», но я не понимала, почему это важно. Точнее, умом понимала, но никогда не чувствовала ничего подобного.

Естественно, с моей неспособностью овладеть ключевыми эмоциональными навыками мне было очень непросто заводить и сохранять друзей. И дело заключалось не в злобе, не в подлости — я не была злым ребенком. Я просто отличалась от других. А другие не всегда ценили мою уникальность.

Было начало осени; мне только что исполнилось семь лет. Девочка из класса позвала на ночевку всех остальных девочек, включая меня. Ее звали Коллетт, и она жила в паре кварталов от нашего дома. Я надела свою любимую розово-желтую юбку. У Коллетт был день рождения, и я несла подарок: кабриолет для Барби в серебристой оберточной бумаге.

В машине мама крепко меня обняла. Я еще никогда не ночевала у подруг, и она волновалась.

— Не беспокойся, — сказала она и вручила мне рюкзак и детский спальник с узором из куколок. — Можешь вернуться домой, если захочешь.

А я и не беспокоилась. Наоборот, радовалась. Ночевка в новом месте! Не терпелось скорее пойти в дом.

День рождения выдался веселым. Мы объелись пиццы, торта и мороженого и переоделись в пижамы. Стали танцевать в гостиной и играть во двореке. Но когда пришло время ложиться спать, мама Коллетт заявила, что надо вести себя тихо. Она включила нам фильм в гостиной. Мы разложили спальные мешки полукругом. Одна за другой девочки уснули.

Когда фильм кончился, я одна не спала. В темноте я остро ощутила отсутствие всяких чувств. Я взглянула на неподвижных подруг. Те лежали с закрытыми глазами, и мне стало неудобно. Я почувствовала, как в ответ на внутреннюю пустоту нарастает напряжение, и мне вдруг захотелось со всей силы ударить девочку, лежавшую рядом.

«Странно, — подумала я. — Я ведь не желаю ей зла». В то же время я знала, что если ударю ее, то смогу расслабиться. Я тряхнула головой, прогоняя искушение, и тихонько вылезла из спальника, чтобы быть от нее подальше. Я встала и пошла бродить по дому.

У Коллетт был маленький братик, его звали Джейкоб. Его комната находилась на втором этаже; там был балкон с видом на улицу. Я тихо поднялась наверх и вошла в детскую. Джейкоб спал; я устала на него. Он казался таким крошечным в своей колыбельке, намного меньше моей младшей сестренки. Одеяло сползло и лежало скомканным в углу. Я взяла его и аккуратно укутала малыша. Потом повернулась к балконным дверям.

Тихо щелкнув задвижкой, я открыла двери и вышла в темноту. Отсюда был виден почти весь город. Я встала на цыпочки, наклонилась вперед и оглядела улицу; увидела перекресток в конце ряда домов. Узнала название улицы — наша была прямо за ней. Всего пара кварталов отделяла меня от дома.

Вдруг я поняла, что не хочу здесь больше оставаться. Мне не нравилось, что все, кроме меня, уснули, и не нравилось быть предоставленной самой себе. Дома мама всегда была рядом, чтобы меня приструнить. А здесь: кто меня остановит? Кто помешает сделать... что именно? Мне стало не по себе.

Я спустилась вниз и вышла на улицу через парадную дверь. Было темно; мне это нравилось. Я чувствовала себя невидимкой, и внутреннее напряжение мгновенно испарилось. Я шагнула на тротуар и пошла домой, оглядывая попадавшиеся на пути дома. Что за люди в них живут? Чем они сейчас заняты? Вот бы узнать! Вот бы на самом деле стать невидимкой и целыми днями следить за соседями!

Было прохладно, улицу окутывал туман. Мама называла это «ведьминой погодой». На перекрестке я достала из рюкзака спальник и вернулась в него, как в огромный шарф. Идти оказалось дольше, чем я думала, но я не сожалела об этом.

Я взглянула на противоположную сторону улицы и заметила открытую дверь гаража. «Интересно, что там? — подумала я, и тут меня осенило: — А ведь я могу пойти и посмотреть».

Я двинулась через улицу, удивляясь, насколько ночью все выглядит иначе. Казалось, в темноте не существовало никаких правил. Все спали, меня ничто не сдерживало, и я могла делать что угодно. Пойти куда глаза глядят. В доме Коллетт при этой мысли мне становилось не по себе. Но здесь, на темной улице, та же мысль вызывала прямо противоположные чувства. Я ощущала свою власть, мне казалось, что всё в моих руках. Почему такая разница?

Я приближалась к открытой двери гаража. Луна освещала мне дорогу. Зайдя внутрь, я замерла и огляделась. С одной стороны стоял бежевый универсал, рядом валялись разные игрушки и безделушки. «Наверно, в доме есть дети», — подумала я. Я задела щиколоткой деку скейтборда, шершавую, как наждачная бумага.

Противясь желанию забрать скейтборд себе, я подошла к машине и открыла заднюю дверь. В автомобиле загорелся плафон, гараж залил мягкий свет, я запрыгнула в салон и закрыла за собой дверь. Замерла и стала ждать, чего — не знаю.

В салоне стояла оглушительная тишина, но мне это нравилось. Я вспомнила фильм «Супермен» с Кристофером Ривом и визиты Супермена в Крепость Одиночества. «Это мое тайное убежище», — прошептала я. Представила, как с каждой секундой набираюсь сил*.

Снаружи что-то мелькнуло; я заметила проезжавшую машину, темный седан, и прищурилась, провожая ее взглядом. «Что ты тут делаешь?» — подумала я и решила, что машина — мой враг.

Я быстро открыла дверь, вышла из гаража на цыпочках и как раз успела увидеть, как седан свернул за угол. «Генерал Зод!» — гневно подумала я и перебежала на ту сторону улицы, где оставила свои вещи. Наклонившись, чтобы их поднять, уловила знакомый запах стирального порошка и решила, что пора домой. Прижимаясь к краю тротуара, зашагала вперед, стараясь держаться ближе к деревьям.

* Супермен в своей тайной пещере подзаряжался силой от находившегося там космического корабля, прилетевшего с его родной планеты.

Ускорив шаг, весело перебегала от тени к тени. «Как можно бояться ночи? — думала я, и на сердце было так отрадно. — Это же лучшее время».

Когда я наконец дошла до подножия холма, на котором стоял мой дом, я чуть не падала от изнеможения. Вскарабкалась по крутому холму, волоча за собой рюкзак, как санки. Боковая дверь была открыта, и я вошла без стука. Бесшумно поднялась по лестнице в свою комнату, постаралась не разбудить родителей, но стоило мне забраться в кровать, как в комнату влетела мама.

— Патрик! — воскликнула она и хлопнула по выключателю. — Ты как тут оказалась?

Меня испугала ее реакция, и я заплакала. Надеюсь, что она поймет, я все ей рассказала, но, кажется, после этого стало только хуже. Она тоже заплакала, глаза испуганно расширились, по щекам показались слезы.

— Детка, — наконец проговорила она и крепко меня обняла, — никогда, слышишь, никогда больше так не поступай. Представь: если бы с тобой что-то случилось? Вдруг ты не смогла бы прийти до дома?

Я согласно кивнула, хотя ни первое, ни второе меня совсем не тревожило. Скорее, я растерялась. Разве мама не говорила, что я могу вернуться домой, если захочу? Тогда почему так расстроилась?

— Я имела в виду, что я должна тебя забрать, — объяснила она. — Обещай, что больше так не будешь делать.

Я пообещала, но доказать верность своему обещанию в ближайшие несколько лет мне не представилось возможности. Вскоре я выяснила, что родителям других детей не нравится, когда к ним на ночевку приходят девочки, которые среди ночи могут заскучать и решить уйти домой сами. Мама Коллетт была недовольна, узнав, что я сделала, и не скрывала своего презрения. Она рассказала о моем исчезновении другим родителям, и меня перестали приглашать на ночевки. Но что-либо подозревать начали не только родители. Другие дети тоже смекнули, что со мной не все в порядке.

— Ты странная, — сказала Эйва.

Одно из немногих моих воспоминаний о первом классе: в углу комнаты стоит игрушечный домик. Мы играем в дочки-матери. Эйва — моя одноклассница. Она милая, дружелюбная и всем нравится. Поэтому, когда мы играем, ее всегда выбирают «мамой». Однако я выбираю другую роль.

Глава 1. Честная девочка

— Я буду дворецким, — объявила я. Эйва растерянно взглянула на меня.

Судя по сериалам, у дворецких была лучшая работа в мире. Они могли надолго исчезать без всякого объяснения. Имели неограниченный доступ к пальто и сумкам хозяев и гостей. Никто никогда не сомневался в их действиях. Они могли входить в комнату и ни с кем не общаться. Могли подслушивать. По-моему, идеальная профессия. Но когда я объяснила свой выбор девочкам, меня никто не понял.

— Ты почему такая странная? — спросила Эйва.

Она не со зла это сказала. Это было скорее констатацией факта, риторическим вопросом, не требовавшим ответа. Но, взглянув на нее, я увидела на ее лице странное выражение. Раньше я не замечала за ней такого. Очень специфическое выражение: смесь растерянности, уверенности и страха в равных частях. И она была не одна. Другие дети смотрели на меня так же. Я насторожилась. Они будто видели во мне то, чего я сама не могла разглядеть.

Я решила разрядить обстановку, улыбнулась и поклонилась.

— Простите, мадам, — ответила я, подражая голосу дворецкого. — Я веду себя странно потому, что кто-то убил повара!

Это был мой фирменный прием, который я довела до совершенства: неожиданное заявление с примесью юмора. Все рассмеялись и завизжали, игра приняла интересный, хоть и зловещий оборот, и о моей «странности» забыли. Но я знала, что это временно.

Помимо тяги к воровству и исчезновениям по ночам, что-то еще во мне смущало ровесников. Я это знала. И они — тоже. Хотя в классе мы мирно сосуществовали, после занятий меня редко приглашали поиграть. Впрочем, я не возражала; я обожала одиночество. Но через некоторое время мама начала беспокоиться.

— Не нравится мне, что ты так много времени проводишь одна, — сказала она. Дело было в субботу, после обеда. Она зашла ко мне в комнату, чтобы провести меня после нескольких часов сидения у себя.

— Все в порядке, мам, — ответила я. — Мне так нравится.

Мама нахмурилась и села на кровать, рассеянно положив себе на колени плюшевого енота.

— Я просто подумала, что было бы здорово пригласить друзей. — Она замолчала. — Хочешь позвать кого-нибудь в гости? Может, Эйву?

Я пожала плечами и посмотрела в окно. Попробовала подсчитать, сколько простыней надо связать вместе, чтобы получилась веревка, по которой можно было бы спуститься из окна моей комнаты на землю. На этой неделе я увидела в каталоге «Сирс» портативную веревочную лестницу и загорелась идеей сделать такую же своими руками. Правда, я не совсем понимала, зачем она мне, просто решила, что у меня должна быть такая лестница. Вот только бы мама меня не отвлекала.

— Не знаю, — ответила я. — То есть... да, Эйва — хорошая девочка. Можно пригласить ее в следующем месяце.

Мама отложила енота и встала.

— На ужин придут Гудманы, — взбодрилась она. — Сегодня сможешь поиграть с девочками.

Гудманы жили по соседству; родители иногда их приглашали. Их две дочки терроризировали весь район, и я их ненавидела. Сидни всех травила, а Тина была просто дурой. Они постоянно ввязывались в неприятности, обычно из-за Сид, и дико меня бесили. Впрочем, не мне было их осуждать. Но в то время я находила оправдание своей неприязни: их поведение было намеренным. Я порой тоже вела себя сомнительно, но я нарушала правила не оттого, что мне это нравилось; я вела себя плохо потому, что у меня не было выбора. Я следовала инстинкту самосохранения и выбирала меньшее из зол. А вот поведение сестер Гудман, напротив, было образцом подлости и тупости, и они нарочно пытались привлечь к себе внимание. Их проделки были бессмысленными: жестокость ради жестокости.

Моя сестра Харлоу была младше меня на четыре года; тогда ей исполнилось года три. Мы жили на верхнем этаже дома, с няней, приятной женщиной из Сальвадора по имени Ли. Комната няни Ли располагалась по соседству с нашей. Когда Гудманы приходили в гости, няня обычно укладывала Харлоу в ее комнате. И не было ни раза, чтобы Сидни не попыталась как-нибудь им напакостить.

— Давайте попробуем в комнату Ли и выльем ей воду на кровать! — прошептала она тем вечером. Мы втроем сидели у меня.

Естественно, она меня выбесила.

— Это тупо, — ответила я. — Она поймет, что это мы, и дальше что? Какой смысл? Расскажет родителям — и вас просто заберут домой.

Моя косичка была заколота бантиком, который я украла у Клэнси. Я потянула за застежку и подумала: «А может, правда вылить воду на кровать? Не такая уж плохая идея».

Сид приоткрыла дверь и выглянула в коридор.

— Уже поздно, она ушла к себе. Наверно, уложила Харлоу. — Она резко обернулась. — А давайте ее разбудим! — Тина оторвалась от журнала и одобрительно хрюкнула. Я растерянно уставилась на Сид.

— Зачем? — спросила я.

— Затем, что тогда Ли придется снова ее укладывать! А потом мы еще раз ее разбудим и еще... Вот умора!

Мне это не казалось смешным. Во-первых, я ни за что не позволила бы им издеваться над своей сестрой. Я не знала, сколько ступенек между пятым и четвертым этажами, но была готова «случайно» столкнуть их с лестницы, если понадобится. Что до няни Ли, мне не хотелось, чтобы она выходила из комнаты. Я знала, что как только сестра засыпает, няня звонит домой и часами разговаривает со своими родственниками. А я в это время могу спокойно слушать «Блонди».

Тогда я помешалась на Дебби Харри. Меня завораживало все связанное с группой «Блонди», особенно их альбом «Параллельные линии». На обложке Дебби Харри стоит в белом платье, уперев руки в бедра, и сердито смотрит в камеру. Мне очень нравилась эта фотография, и я хотела быть похожей на Дебби. В маминых фотоальбомах того периода видно, что я пытаюсь копировать эту позу и выражение лица.

На обложке Дебби не улыбалась, и я решила, что тоже не буду улыбаться — ни при каком раскладе. К сожалению, за этим последовал катастрофический инцидент со школьным фотографом, в ходе которого я пнула и уронила штатив, и мама решила, что Дебби Харри плохо на меня влияет, и выкинула все мои пластинки «Блонди». Я достала их из помойки и слушала по ночам; пока няня Ли не смекнула, что происходит.

Я решила сменить тактику.

— А давайте прокрадемся на задний двор и будем шпионить за родителями в окно, — предложила я.

Сид, кажется, была недовольна. Я не думала никого пытаться, мой план был относительно безобидным. Вместе с тем подслушивать родительские разговоры было интересно, и она не удержалась. Тина тоже загорелась.

Мы всё обсудили, и Сид согласилась. Мы тихонько вышли из моей комнаты и прокрались по коридору мимо спальни няни Ли.

Спустились в прачечную. Я открыла боковую дверь во двор. Меня окутал прохладный и ароматный калифорнийский воздух.

— Так, — скомандовала я, — вы идите туда. Встретимся на веранде за домом.

Сестры занервничали. Мало того, что на улице была крошечная темнота, но и двора как такового не было: наш дом стоял на деревянных сваях над обрывом в несколько сотен футов. Один неверный шаг — и покатишься вниз.

— Вы же не боитесь? — я притворилась встревоженной.

Тина ответила первой:

— Принеси мне колу, — и двинулась вдоль дома, а Сид нехотя последовала за ней.

Стоило им скрыться из виду, как я зашла в дом и заперла дверь изнутри. Затем тихо прокралась в свою комнату, погасила свет, забралась в кровать и включила проигрыватель. Я была спокойна и очень довольна собой. Я знала, что мне должно быть стыдно за то, что сделала, но ничего такого я не чувствовала. Теперь я могла сколько угодно слушать «Блонди».

Прошел почти час, прежде чем мамина тень скользнула по стене на лестнице. Я бросила наушники на пол и успела уменьшить громкость до того, как она появилась.

— Патрик, — проговорила она, — ты закрыла Сид и Тину на улице?

— Да, — честно ответила я.

Мама, кажется, не нашла что сказать.

— Что ж, Гудманы очень расстроены, — проговорила она и села рядом на кровать. — Девочки заблудились в темноте и не знали, как попасть в дом. Они могли упасть, детка. — Она замолчала и добавила: — Думаю, они больше не придут.

— Здорово! — восторженно воскликнула я. — Тина моется в моей ванне, выключив свет, — ненормальная какая-то, — а Сид таскает еду наверх и все там проливает. Они обе меня бесят.

Мама покачала головой и вздохнула:

— Что ж, спасибо, что сказала правду. — Она поцеловала меня в макушку. — Но я тебя накажу. Никаких прогулок и телевизора неделю.

Я кивнула, тихо смирившись со своей судьбой. Мне казалось, что я легко отделалась.

Мама встала и направилась к лестнице, а я окликнула ее:

**Почитать описание и заказать
в МИФе**

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

